

Евгений Светланов: *Известия* - 1997 - авг. - с. 4

После краха коммунизма работать стало труднее

Во французской географии музыкальных фестивалей особое место занимает тот, который почти полтора десятилетия проходит в бывшем средневековом аббатстве Сен-Рикье, что на севере страны. Фестивалем руководит наш соотечественник — 44-летний Михаил Рудь. 20 лет назад он навсегда покинул свою историческую Родину, получил здесь гражданство и стал, по словам критики, «самым французским из всех русских пианистов». Второй раз в Сен-Рикье приезжает Государственный симфонический оркестр России под управлением Евгения Светланова.

— Вы возглавляете Государственный симфонический оркестр России уже 32 года. Как вам удалось добиться такого рекордного результата?

— Это не рекорд, но я бы уточнил сроки. Официально я возглавляю оркестр 32 года, но связан с ним на 10 лет больше. До того я был гостем в этом оркестре, сочетая выступления в нем с работой главного дирижера оркестра Большого театра. Я люблю свой коллектив — это мое родное дитя и не мыслю себе существования вне его.

— У вас не бывает интриг, подсадок?

— К большому счастью, мне не пришлось с этим сталкиваться. Наоборот, у нас всегда была очень дружная атмосфера. Конечно, как во всякой семье, бывают маленькие нюансы со знаком минус, но они ни в малейшей мере не влияют на характер нашей совместной работы.

— Если не ошибаюсь, вам на будущий год исполняется 70 лет — время юбилейного подведения итогов. Какой строкой вы хотели бы остаться в истории музыки?

— Я мечтал бы, чтобы звучали лучшие из моих сочинений и доставляли людям какую-то радость. Я не имею права роптать на судьбу, потому что мне удалось за свою творческую жизнь осуществить самые главные замыслы — в том числе создание антологии русской симфонической музыки из 120 компакт-дисков. Наша последняя огромная работа — запись всех 10 симфоний Малера.

— В мире вас знают как дирижера и гораздо меньше как композитора. Вам не обидно?

— Это вполне естественно, потому что как дирижер я появляюсь значительно чаще и не жалею об

этом. Моя цель не просто концерттировать, а пропагандировать. Я ставлю просветительские задачи — открывать новые произведения, забытые сочинения, заслуживающие внимания.

— Есть ли у вас какая-то эстетическая программа, свой манифест, свои музыкальные принципы, которыми вы никогда не жертвуете?

— Быть всегда честным в жизни и искусстве, оставаться самим собой независимо от всяких влияний, течений, быстротечных акций, сменяющих друг друга.

— Постоянные гастроли не отвлекают вас от несуетного служения музам?

— Отчасти. Но я не сожалею об избранном пути, прекрасно понимая, что это нужно людям, а поскольку я еще что-то могу сделать, то стараюсь отдать себя без остатка.

— Что-то изменилось в вашей творческой жизни после краха коммунистической системы?

— Мне лично и моему оркестру стало значительно труднее работать у себя на Родине, потому что мы теперь на самокупаемости. Мы самостоятельный коллектив, и незначительные государственные субсидии для нас слишком малы. Мы должны сами зарабатывать себе на жизнь.

— Раньше художники, артисты, музыканты так или иначе зависели от Минкульта, от ЦК КПСС. А сегодня вы от кого-то зависите?

— Сегодня мы зависим от спроса, предложения и от творческих задач нашего коллектива и от моих, в частности.

— То есть, вы живете в условиях рынка?

— Будем считать, да. Весьма еще несовершенно.

— Темирканов, Гергиев, Федосеев, Плетнев — это ваши друзья,

единомышленники или конкуренты?

— Я не считаю их конкурентами, но не могу и сказать, что все они мои близкие друзья. Но я к ним ко всем, к их работе, к их деятельности отношусь с большим уважением и никогда не совершал по отношению к ним никаких недружелюбных акций.

— Отмеченные печатью таланта композиторы и музыканты — это исключительные существа или такие же, как все, грешные люди?

— Безусловно, такие же, и нам свойственно все человеческое. Если кому-то Бог дал побольше, если погладил кого-то по головке, то это счастье. Но кроме этого, существует профессионализм в высоком смысле слова, и опасность утратить его сейчас, к сожалению, наблюдается и в нашем отечественном искусстве. Немножко размыты критерии что хорошо и что плохо. Я бы не хотел, чтобы этот процесс продолжался, и думаю, что это явление временное.

— Не चाहят ли музыкальная жизнь в России?

— Конечно, потеря больших музыкантов сказывается. Свято место пусто не бывает, и, как говорится, незаменимых нет. Но проблема заключается в том, кем и как заменить, и что из этого получится.

— Не успеет подрасти, племя молодое и незнакомое, сразу устремляется на Запад?

— Оно растет, многие уезжают на Запад, но Россия, как сказал один из бывших партийных деятелей, настолько богата талантами, что она неисчерпаема.

— То, что происходит сейчас в Большом театре, вам, наверно, безразлично? Театр оказался жертвой интриг, сведения счетов?

— Конечно, безразлично. Все перечисленное вами имеет место, к большому сожалению. Но я думаю, что ровная местность — редкое явление. Всегда есть горы, впадины, ущелья. Так и в жизни — существуют подъемы и спады, и будем считать, что новый подъем у Большого театра впереди.

— Этот подъем связан с нынешними руководителями?

— Не думаю. Он связан с именами нам еще не знакомыми.

— Один из ваших концертов в Сен-Рикье был целиком посвящен Чайковскому. Во Франции только что вышла наделавшая много шума книга, в которой говорится, что Петра Ильича вынудили покончить с собой...

— Я, еще будучи студентом, знал об этой версии. И надо сказать, что сейчас она усиленно муссируется. Как говорится, не нам об этом судить. Печально только то, что в возрасте 53 лет от нас ушел величайший гений мировой музыки.

— У Чайковского всегда присутствует тема фатума — всепобеждающего рока. Вы сами немножко фаталист?

— И не немножко. Я большой фаталист. Мне свойственны большие сомнения, подчас я склонен верить приметам...

— Вы человек верующий?

— Безусловно. Меня так воспитали с самого детства. У меня была няня — глубоко верующий человек из крестьянской семьи, и, видимо, это наложило большой отпечаток.

— Может ли музыка, как это было в прошлом, стать ареной идеологической борьбы?

— Все это наносное, все пройденное, во многом глубоко неверное. Это уже история, которую мы, конечно, должны помнить. Я думаю, что музыка не должна носить идеологические функции, она должна, как сказали великий Шиллер с Бетховеном вместе, объединять миллионы.

— Но в музыке есть конфронтация, борьба идей, разных школ?

— Конечно, все существует. И всегда существовало во все времена в разных формах. На каждую музыку найдется свой слушатель, и в этом разнообразии и есть смысл нашего искусства.

— Почему наше время не щедро на гениев?

— Я не могу согласиться с такой постановкой вопроса. Наш век и наше искусство дало великих композиторов — Мясковского, Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна и многих других, быть может, не столь великих, но своим повседневным трудом создавших понятие советское музыкальное творчество.

— Вы хотите сказать, что совет-

Фото Виктора АХЛОМОВА.

ская музыка как явление останется в истории?

— Обязательно, и это неизбежно. Более того, со временем она будет оценена гораздо выше, чем теперь.

— Когда-то вы издали книгу «Музыка сегодня», в которой собраны написанные вами статьи. Вы продолжаете заниматься музыкальной публицистикой?

— Я писал в основном в трудный период нашей жизни, а сейчас мне сказать нечего. Потому что то, что я писал тогда, было криминалом. Это было не всем приятно читать и слушать — мои выступления на съездах композиторов и прочее. Но я никогда не кривил душой, ни перед кем не заискивал, никогда не равнялся на вождизм. Я делал свое дело честно.

— В какой-то степени вы были диссидентом?

— Ну нет, зачем же. Просто был русским музыкантом.

— Вы продолжаете традиции «Могучей кучки»?

— Безусловно, хотя бы потому, что мой дед — критик Семен Николаевич Кругликов был ее членом, другом Римского-Корсакова. Да и учителя мои — Гнесин и Шапорин — тоже были воспитанниками «Могучей кучки».

— Вас можно назвать патриотом?

— Слово «патриот» сейчас звучит несколько иначе, и многие придают ему отрицательное значение или ставят в кавычки. Но я считаю, что это глубочайшее заблуждение. Никогда это слово и все, что за ним стоит, не будет предано анафеме.

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Известия».